

СЬЮЗЕН КОЛЛИНЗ

СЬЮЗЕН КОЛЛИНЗ

И ВСПЫХНЕТ
ПЛАМЯ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
К60

Серия «Голодные игры: сага-легенда»

Suzanne Collins
CATCHING FIRE

Перевод с английского *Ю. Моисеенко*

Серийное оформление и компьютерный дизайн *В. Воронина*

Печатается с разрешения автора и литературного агентства
Intercontinental Literary Agency Limited.

Коллинз, Сьюзен.

К60 И вспыхнет пламя : [фантастический роман] / Сьюзен Коллинз ; [перевод с английского Ю. Моисеенко]. — Москва : Издательство АСТ, 2021. — 416 с. — (Голодные игры: сага-легенда).

ISBN 978-5-17-134220-3

Выжив в страшных Голодных играх, Китнисс и Пит возвращаются домой. Но теперь они в еще большей опасности, поскольку своим отказом играть по правилам бросили вызов самому Капитолию.

По традиции следующие, юбилейные Голодные игры должны стать особенными — в этот раз в них участвуют только победители прошлых лет. Китнисс и Пит вынуждены вернуться на арену, где им вновь придется оказаться лицом к лицу со смертью и соперничать с сильнейшими. Правила игры меняются — и ставки в ней еще выше...

УДК 821.111 -312.9(73)
ББК 84 (7Coe)-44

© Suzanne Collins, 2008

Школа перевода В. Баканова, 2012

ISBN 978-5-17-134220-3

© Издание на русском языке AST Publishers, 2021

*Моим родителям
Джейн и Майклу Коллинз
и родителям мужа
Дикси и Чарлзу Прайор*

Часть I

ИСКРА

1

Мои руки крепко сжимают флягу, хотя чай давно уже отдал свое тепло морозному воздуху. Все мышцы напряжены от холода. Если нагрянет стая диких собак, не уверена, что я смогу забраться на дерево. Надо бы встать и размять затекшее тело. Но я продолжаю сидеть, неподвижная, точно скала под ногами, наблюдая, как в лес проникают лучи рассвета. Солнце не остановишь, увы. Оно волей-неволей тащит меня за собой в этот день, которого я страшилась несколько месяцев.

К обеду они уже соберутся в моем новом доме, в Деревне победителей. Репортеры, телевизионщики, даже Эффи Бряк, мой прежний сопровождающий, — и та доберется в Дистрикт номер двенадцать из Капитолия (интересно, она до сих пор носит дурацкий розовый парик или на этот раз, в честь тура победителей, вздумает щеголять каким-нибудь новым оттенком, неизвестным в природе?). Будет и много других. Железнодорожный

.....

персонал, которому предстоит удовлетворять все мои нужды в течение долгого путешествия. Команда помощников, которые будут готовить меня к выходам на публику. Цинна, мой друг и стилист. Это он создал роскошный наряд, впервые приковавший ко мне всеобщее внимание во время Голодных игр.

Будь моя воля — забыла бы эти Игры навеки. Никогда бы не заговаривала о них. Притворилась бы, что это был страшный сон, и не более. Но тур победителей ни о чем не позволит забыть. Капитолий нарочно проводит его примерно посередине между сезонами, чтобы освежить у людей чувство ужаса. Нам, жителям дистриктов, не просто напоминают о том, как страшна железная хватка столицы, — нас вынуждают публично этому радоваться. В этом году я «звезда» представления. Меня провезут от дистрикта к дистрикту, и в каждом придется стоять перед ликующими зрителями, ощущая их затаенную ненависть, и смотреть со сцены в глаза людей, чьи родные убиты моей рукой...

Солнце неумолимо встает, и я заставляю себя подняться. Суставы болезненно ноют. Левая нога затекла так сильно, что «оживает» лишь через несколько минут усиленной ходьбы. Я три часа провела в лесу, но даже не попыталась всерьез поохотиться. Сумка для добычи пуста. Ни маму, ни мою младшую сестренку Прим это уже не затронет, они теперь могут позволить себе покупать в городской мясной лавке что пожелают, хотя, конечно, вкус лучше всего именно у све-

жей дичи. А вот Гейл Хоторн и его семья целиком зависят от этой охоты. Нельзя их подвести. И я пускаюсь в дорогу. Еще полтора часа проверять ловушки. В школьные времена мы успевали после полудня и пройтись по капканам, и поохотиться, и вернуться с добычей в город, чтобы выручить за нее деньги. Теперь, когда Гейл работает в угольных шахтах, а у меня не осталось других занятий, вся работа на мне.

Гейл уже наверняка спустился на вызывающем тошноту подъемнике в бездну и вгрызается в угольный пласт. Я знаю, что творится там, внизу. В школе нас каждый год водили туда на экскурсии. В раннем детстве шахта порождала у меня попросту неприятные ощущения. Тоннели навевали клаустрофобию, затхлый воздух и темнота даже не позволяли свободно вздохнуть. Но после того как взрывом убило папу и нескольких его товарищей, я с трудом заставляла себя войти в подъемник. Ежегодная экскурсия превратилась в пытку. Два раза мне уже заранее становилось так плохо, что мать принимала мой страх за начало гриппа и разрешала остаться дома.

Я начинаю думать о Гейле. Только в лесах, среди свежего воздуха и прозрачных источников, он чувствовал себя по-настоящему живым. Не знаю, как ему удастся терпеть... Впрочем, неправда, знаю. Он выдержит все, лишь бы прокормить свою мать, сестру и двоих младших братьев. В то время как я буквально сижу на мешках с деньгами, которых более чем достаточно на две семьи. Но нет, этот парень не примет в подарок даже моне-

.....

ту. Гейл и мясо-то берет неохотно. Между тем, если бы я погибла на Играх, он, без сомнения, содержал бы и мою маму, и Прим. Постоянно ему твержу: для меня охота — желанное развлечение, чтобы не сойти с ума от безделья. И все равно я стараюсь не заставить его дома, когда приношу добычу. Это нетрудно, ведь Гейл трудится по двенадцать часов в сутки.

Мы видимся только по воскресеньям, в лесу. Для меня и теперь это лучший день на неделе, однако что-то переменялось. Нет больше тех свободных бесед о чем пожелаешь. Игры отняли у меня даже это. Я еще слабо надеюсь, но в глубине души понимаю: все бесполезно. В прошлое нет возврата.

Сегодня у нас богатый улов: восемь кроликов, пара белок и грузный бобер, запутавшийся в проволочных силках, которые изобрел сам Гейл. Он просто гений ловушек. Всегда точно знает, как изогнуть молодое деревце, чтобы ветки не дали хищникам раньше нас добраться до жертвы; как закрепить увесистое бревно в равновесии при помощи тонких прутьиков или как сплести корзину, откуда не выплыть попавшейся рыбе. После стольких лет работы с его западнями я уверена, что никогда не смогу повторить это хрупкое равновесие, не сумею почуять заранее, по какой тропе пробежит дикий зверь. Дело даже не в опыте. Это врожденный дар. Зато я стреляю без промаха и в кромешной тьме.

Но вот впереди возникает забор, окружающий Дистрикт номер двенадцать. Солнце еще

высоко. Прислушиваюсь, не гудят ли от электричества звенья цепи. Тихо — как и почти всегда, хотя нас убеждают, будто бы ток бежит круглые сутки. Через прокопанный под забором лаз я попадаю на Луговину, откуда рукой подать до родного дома. Нашего старого дома. Мы сохранили его, потому что мама и Прим до сих пор здесь прописаны — и вернуться сюда в случае моей внезапной смерти. А пока что мы трое благополучно воцарились в новом жилище, в Деревне победителей. И только я возвращаюсь в эту маленькую приземистую постройку, в стенах которой выросла. Она для меня и есть настоящий дом.

Сейчас, например, там будет удобно переодеться. Сменить старую кожаную отцовскую куртку на тонкое шерстяное пальто, немного узкое в плечах, а разношенные охотничьи сапоги — на дорогие фабричные туфли, более подходящие человеку в моем положении, как считает мама. Лук и стрелы надежно спрятаны в лесу, внутри прогнившей колоды. Время не ждет, но я все-таки позволяю себе немножечко посидеть на кухне. Какой запущенной она кажется без огня в печи, без скатерти на столе... Меня часто гложет тоска по прежней жизни. Да, мы едва сводили концы с концами, зато я точно знала собственное место на замысловатом полотне под названием жизнь. Теперь, когда вспоминаешь, те времена кажутся столь надежными по сравнению с нынешним днем, когда есть и богатство, и слава, и лютая ненависть Капитолия.

От мыслей меня отвлекает жалобный вой возле черного хода, — явился Лютик, старый облезлый котяра моей сестренки. Новый дом ему так же не по душе, как и мне. Лютик удирает сюда всякий раз, стоит Прим отправиться в школу. Мы с ним никогда особенно не ладили — и вот между нами возникла странная связь. Впустив кота, я угощаю его ломтем бобрового жира и даже немного почесываю за ухом.

— Тебе говорили, какой ты уродец, а, животное?

Он тычется мордой в руку, прося еще ласки, однако нам пора в путь.

— Идем.

Я хватаю Лютика в одну руку, добычу — в другую, и тащу все за дверь. Кот изворачивается и в один скачок скрывается за кустарником.

Туфли жмут мне большие пальцы. Под ногами хрустит уголь Шлака. Несколько раз срезав путь через переулок или чей-нибудь задний двор, я в считанные минуты добираюсь до дома Гейла. Увидев меня в окно, его мама Хейзел отрывается от плиты, вытирает ладони о фартук и идет открывать дверь.

Мне нравится Хейзел. Эту женщину есть за что уважать. Взрыв, убивший моего папу, унес и ее мужа, оставив беременную вдову с тремя мальчишками на руках. Не прошло и недели с тех пор, как она разродилась, а Хейзел уже искала работу. Шахты — не выход, если в доме не с кем оставить младенца, однако ей удалось устроиться прачкой в городе, к одному из торгов-

цев. Так в четырнадцать лет Гейл, старший из сыновей, сделался главным добытчиком в семье. Он уже тогда мастерски ставил ловушки, подписался на тессеры и разрешал лишний раз внести свое имя в Лотерею ради скудного годового пайка из зерна и масла. Но и этого не хватило бы на семью из пяти человек, если бы Хейзел не обдирала пальцы до костей о стиральную доску. Зимой ее красные, потрескавшиеся руки начинали кровоточить от малейшей царапины. Когда-то Хейзел и Гейл вместе решили, что ни двенадцатилетнему Рори, ни десятилетнему Вику, ни четырехлетней Позе никогда не придется вписывать свои имена для Жатвы.

При виде добычи Хейзел улыбается. Поднимает бобра за хвост.

— Тяжелый!.. Вечером потушу с овощами.

В отличие от Гейла, она принимает помощь без капли смущения.

— И мех недурной, — отзываюсь я.

Мне приятно болтать с ней о достоинствах добычи. Хейзел наливает пахучего чая из трав, и я с благодарностью грею о кружку окоченевшие пальцы.

— Знаешь, я тут подумала... Может, после тура победителей стоит время от времени брать с собой Рори? В лес, после уроков? Ему надо учиться стрелять.

Хейзел кивает.

— Хорошо. Гейл и сам собирался, но он свободен только по воскресеньям и предпочитает проводить их с тобой.

Наверное, я все-таки покраснела. Глупо, конечно. Пожалуй, никто на свете не понимает меня лучше Хейзел. Ей известно о наших с Гейлом отношениях. Думаю, очень многие ждали, что мы поженимся, хотя у меня и мысли об этом не возникало. Но то было *до* Голодных игр. До того как Пит Мелларк, земляк-трибут, во всеуслышание заявил, что безумно влюблен в меня. Наш роман стал ключом к выживанию на арене. Только вдруг оказалось: для Пита все было гораздо серьезнее. А для меня? Не знаю. Зато представляю, как мучился Гейл. Стоит подумать о туре победителей, когда нам с Питом вновь придется разыгрывать из себя влюбленных, и сердце сжимается.

Я допиваю чай, хотя он обжигает губы, и отодвигаюсь от стола.

— Пора идти. Надо еще навести красоту для камер.

Хейзел обнимает меня.

— Приятного ужина.

— Спасибо, — отзываюсь я.

Следующая цель — Котел, где обычно мне удавалось сбить с рук трофеи. Много лет назад он был угольным складом, потом оказался заброшен, стал точкой подпольной торговли и наконец превратился в настоящий черный рынок. Раз уж Котел притягивает к себе людей с подпорченной репутацией, стало быть, мне тут самое место. Лесная охота в окрестностях Дистрикта номер двенадцать нарушает, по меньшей мере, дюжину постановлений и по закону карается смертью.

Никто об этом не заговаривает, однако я — должница многих завсегдатаев Котла. Гейл рассказал, как Сальная Сэй устроила сбор пожертвований для меня и Пита во время Голодных игр. Поначалу деньги давали только в Котле, но многие люди, прослышав об этом, тоже внесли свой вклад. Не знаю точной суммы; знаю только, что эти деньги качнули чашу весов от смерти к жизни: на арене цена любого подарка достигает заоблачных высот.

До сих пор непривычно входить в Котел не с полной добычи охотничьей сумкой, а с увесистым кошельком на боку. Я стараюсь зайти почти в каждую лавку и что-нибудь приобрести: кофе, булочки, яйца, пряжу, масло... В последний момент покупаю три бутылки самогона у одноручкой Риппер, жертвы несчастного случая в шахтах, у которой хватило ума прокормить себя.

Алкоголь — не для нас, а для Хеймитча. Во время Голодных игр он был нашим с Питом ментором. Угрюмый, жестокий, почти всегда пьяный, он все-таки сделал свою работу — и даже больше, поскольку впервые в истории было позволено победить двоим, а не одному оставшемуся в живых трибуту. Так что будь Хеймитч хоть кем угодно — перед ним я тоже в долгу. Пару-тройку недель назад, когда у него иссякли запасы, а в продаже не было ни бутылки, у Хеймитча началась ломка. Он трясся, орал на каких-то чудовищ, которых никто вокруг не видел, и до смерти перепугал мою Прим. Честно сказать, не очень понравилось наблюдать его в таком состоянии.